

ПОБЕЖДАЕТ СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ

ПРОБЛЕМЫ РЕПЕРТУАРА

СТРЕМЛЕНИЕ к будущему всегда оптимистично, в нем вера в победоносное движение положительного идеала. В. И. Ленин, по воспоминаниям В. Шульгина, советовал любить Луначарского за то, что «Он весь тянется к будущему. Поэтому так много в нем радости и смеха». Какое гениальное сочленение будущего с радостью и смехом! Какой великолепный урок нашим доморощенным пессимистам!

В искусстве, как и в политике, чем больше испуг перед трудностями, тем «левее» фраза. Когда народ «чистит себя под Лениным», гражданин радуется процессу уничтожения миазмов равнодушия, стяжательства, карьеризма, пошлости, а мещанин лихорадочно ведет счет уничтожаемому и ужасается: как много! — ужаснувшись же, истощно обличает. Ему уже давно сказано поэтом: «Отойдите, вы мешаете мобилизации и маневрам». Еще на заре века В. И. Ленин гневался на перепуганных обывателей, которыми нет большей радости, чем вопить на похоронах: тащить вам, не перетаскать.

Но «ужасный революционер» ликует: а факты? Что — факты? Факт — это курица с неопцианным оперением, говорил Горький, нельзя ее жарить прежде, чем не выщиплешь несущественного оперения. «Субъективной страпней» называл Ленин прямое сопоставление фактов без анализа их внутренних связей и опосредствования разных сторон явления.

Обо всем этом следует задуматься, прежде чем писать и ставить «обличительные» произведения. И особенно даровитым художникам, чьи заблуждения подхватываются и размножаются бездарностями. А уж тут всю разворачивается мрачное обличительство, а впридачу к нему как компенсация и оправдание — бодренький «оптимизм». И одного поля ягода с тем и другим — серенькая бытовщина, замаскированная под сложный психологизм. Откуда только берутся маленькие, нудные людишки, мелкие, унылые спектаклики, о которых хочется сказать словами горьковского Власа:

Маленькие, краденые мысли...
Модные, красивые словечки...
Ползают тихонько с краю
жизни
Тусклые, как тени, человечки.

Об этих пьесах, в которых модные, красивые словечки прикрывают пустоту маленьких мыслей, исписано много бумаги и не стоит к ним возвращаться. Тем более что после Пленума ЦК КПСС по идеологическим вопросам вряд ли кто займется нудным «самовыражением» — стыдно. Но театр, как правило, еще долго страдает «постинфекционными» болезнями драматургии. Ведь до сих пор на многих сценах можно увидеть и сентиментально-меланхолическую игру — подделку под Чехова и старый МХАТ, стилизацию а ля Ремарк или а ля «неореализм». Можно столкнуться и с

остаточными явлениями «фанфарных» изображений героизма и героя в духе бодренького «оптимизма», когда исполнитель роли героя играет на пределе экзальтации — крупный жест, крупный глаз, крупный глас, а остальные изображают умиленные, так сказать, играют «культ личности» героя.

М. ЛЕВИН

ДА, И ОПТИМИЗМ в искусстве бывает разный. Существует по меньшей мере три разновидности оптимизма. Один из них — «подножный» или частный. Он лишен перспектив и выражает лишь отличное самочувствие автора. Такого рода произведение может вызвать улыбку, даже хорошее настроение, но только на время общения с ним.

Другой вид оптимизма — казенный или официозный — состоит лишь из одной перспективы. Беда не в том, что эта перспектива ложна, нет, она может быть верной, даже прекрасной, когда речь идет о коммунизме. Но, абстрагированная от противоречивого развития жизни, она становится декларативной, умозрительной, лишенной способности вызывать эмоциональный отклик, возбудить страстное стремление превратить возможность в действительность.

И есть подлинный оптимизм — социальный. В нем ясность и привлекательность перспективы не отвлекает от жизни, от борьбы, наоборот, она освещает и освящает борьбу противоположных сил, способствует выявлению темного и внушает веру в победу светлого. В произведении социального оптимизма есть солнце, но оно не нарисовано яркое, не слепит взора, есть человек, но он не стерильный, не лишен тени, ибо там, где есть свет и человек, не может не обнаружиться себя тень. Здесь естественно выявляются, и это крайне важно, подлинные пропорции во взаимодействии солнца, человека и тени.

Соотнесенность и гармония солнца, человека и тени была соблюдена в советской драматической классике. Ее провозглашал социальный оптимизм — писатели смело вскрывали противоречия в жизни и в человеке, показывая, как в процессе революционного преобразования обстоятельств человек переделывает самого себя.

Но наряду с этим все больше вторгался в искусство казенный оптимизм. Солнце подменялось «солнцечеловеком», освещающим «бестеневую» землю. Всякое противоречие внутри положительного клеймилось, как поклеп на действительность, противоречивость в отрицательном каралась, как либерализм, как предостережение «трибуны врагу». Нарушался закон драматического, по которому борьба только тогда становится истинной, когда обе стороны выражают субъективную правду, хотя только одна из

них является подлинной, объективной правдой. Но там, где объективная неправда выражена, как субъективная ложь, где отрицательный персонаж действует и рассуждает заведомо ложно, не скрывая, что он лжет, там даже подлинная правда становится декларативной и неувлекательной.

Но побеждает и торжествует социальный оптимизм. Так было, так есть, так будет! Погибала Комиссар в «Оптимистической трагедии», но реквием звучал, как походный марш матросского полка, продолжавшего свой революционный путь. Боевым напутствием грядущим поколениям пел он и над свежей могилой Братишки. Мерли с голоду дети, деревенели рабочие руки, обжигаясь об оледеневшие станки, лучина бросала свой тусклый отсвет на суровый лик исстрадавшейся России, а Кремлевский мечтатель видел завтрашний день и миллионы электрических солнц, освещающих радостный труд счастливых людей. А до того, как обо всем этом рассказала драматургия, театр сам, волшебной силой своего искусства, преобразил старую сказку Гоцци о жестокой принцессе Турандот в спектакль революционного оптимизма, полный неизбывной радости и солнечности, столь неожиданной, негаданной в суровой, заснеженной ночи голодной Москвы.

Прошло двадцать лет, и снова в жестокое время социальный оптимизм пронизал суровые драмы русских людей, сплоченным строем отражающих нашествие фашизма. И в годы, когда ленинская партия смело и непоколебимо обнажала тяжкую правду о культе личности, советский театр дал образцы социального оптимизма в мужественных пьесах, подчинявших обличение вдохновенному утверждению и прославлению положительного идеала.

И СЕГОДНЯ... Я с тревогой слежу за судьбой инженера Мартыанова, сочувствую и сопереживаю его трудной, драматической борьбе за правду и одновременно опасуюсь, не пойдет ли спектакль Театра им. Моссовета по проторенной дорожке обличительства дурных людей и негодных методов. Тревожусь, ибо не читал еще романа Доры Павловой «Совесть» и уже вижу целую галерею обличаемых людей.

И как мне радостно, когда спе-

на за сценой утверждается моя вера в то, что прекрасное в жизни — это норма, а безобразное — исключение, что правда закономерна и постоянна, а ложь преходяща, что человек раскрывается как личность только в борьбе за правое дело и гибнет как человек, когда изменяет партии и народу. Я благодарен театру за то, что он не подавляет меня суровой правдой о притязаниях лжи, но вдохновил этой правдой на веру в могучее свойство человека умножать свои силы в коллективной борьбе, внушил мне, что рядовой вовсе и не заурядный, а один не одинокий — вокруг него всегда образуется общество, если люди увидят в нем борца за правое дело.

Конечно, говорит театр, не случайно то, что именно в Мартыанове раскрылась незаурядная личность, но не будь он, любой другой коммунист в данных обстоятельствах должен был поступить так же и так же раскрыться в своем духовном и интеллектуальном богатстве. Это значит, что театр не хватался за случайное, а проследил закономерности. В единичном явлении он обнаружил и то особенное, что свойственно «конкретному» Мартыанову, и то общее, которое присуще советской системе общественных отношений.

Так же точно прослежено закономерное и тонко выявлено существенное в портрете старого рабочего Забродина, созданном одним из корифеев нашей сцены Н. Мордвиновым. Поразительно умение Мордвинова целиком перевоплощаться в образ. Да, это потомственный рабочий, привыкший упорно стоять у станка, внимательно всматриваться в деталь, выверять механизм машины и человека, у него большие руки, как-то повисающие вне труда, но тающие в себе незаурядную силу, и мы «видим», что его ладони мозолисты и шершавы. Да, это советский рабочий человек, пристрастный к близким своим, коль скоро речь идет о труде, о морали, и чуткий к их душевному состоянию. Забродину до всего дело, потому что он за все в ответе, правда, он не суетится, не обличает ложь вслух и наотмашь, подобно своему беспокойному дружку. Но из-под густых, нависших бровей посверкивает острый взор умудренного жизнью человека, беспокойного, все примечающего, способного вспыхнуть от обиды и загореться

(Окончание на 3-й стр.).

Ш
...кончанье,
...на 1-й стр.).
...интересом к новому,
...живительному, необ-
...димому.
Почему Забродин —
Мордвинов кажется
образцом оптимистического умо-
настроения? Разве он не раздра-
жается поведением своего
друга, не гневается на оступив-
шегося сына, решительно
отказываясь от него и трудно,
сложно, долго примиряясь с ним?
Разве не полнится отвращением
к хапуге, пролезшему в его се-
мью, не горюет о покойнице же-
не, не плачет в тиши одинокой
ночи? Да, он человек, и ничто
человеческое ему не чуждо.

Но все, что ни делает Забро-
дин — в радости и печали, в спо-
койствии и гнев, — освящено
живой жизнью, посвящено ей и
не жизни вообще, а той действи-
тельности, которой он современ-
ник. Его мысли настроены и чув-
ства воспитаны для мгновенной
реакции на положительное и от-
рицательное. Забродин черпает
свои силы в текущем дне, кото-
рый одновременно и осуществле-
ние, и перспектива. Сознание
полной осуществимости жизнен-
ного идеала, чувство строителя
общества, о котором мечта-
еками человечество, внушает та-
ким людям социальный опти-
мизм, который не отбрасывает
жизненные невзгоды и человече-
ские скорби, а «снимает» их в
преодолении, в постоянно дви-
жении вперед, в борьбе.

МЫ ЖАЛУЕМСЯ на то, что в
театре мало событий, что
подлинные герои нашего
времени, если и приходят
из жизни в искусство, то ско-
рее в критические трактаты,
чем на сценические под-
мостки. Современникам вооб-
ще свойственно чувство неудов-
летворенности; жажда самому
увидеть себя в совершенном
воплощении обостряет критицизм,
заставляет забыть о том, что ни-
когда в истории театра не было
массового наплыва шедевров. В
двадцатые годы, когда сцену
буквально захлестывало формо-
творчество и чего-чего, а «ярко-
сти» было хоть отбавляй, Мая-
ковский сетовал на то, что наш
театр погряз в серости.

Достаточно оглянуться за
один-два последних сезона и
только в двух-трех городах, что-
бы увидеть целую галерею со-
вершенных созданий — и имен-
но образа положительного героя.
Только на сцене Театра имени
Моссовета прошли за это время
такие подлинно советские
личности (и в достойном окру-
жении), как солдат Теркин, рабочий
Забродин, колхозник Яков Дале-
кий, инженер Мартыанов.

Можно писать исследования об
этих героях, о их нравственной
чистоте, высокой идейности и ду-
шевной заразительности, так же
как и о вдохновенной игре их
создателей — актеров Н. Морд-
винова, Б. Новикова, Г. Некрасо-
ва.

А какую жизнестойкость, ка-
кой непоколебимый оптимизм
обнаружили советские герои в
психологически тонком изобра-
жении Л. Скопиной и В. Чирко-
ва («Дневник женщины» в Мо-
сковском театре им. Пушкина),
М. Астангова («Черные птицы» у
вахтанговцев), И. Горбачева
«Друзья и годы» в Ленин-
градском театре им. Пуш-
кина), С. Закариадзе («Человек
рождается однажды» в Тбилис-
ском театре им. Руставели),
Г. Кавтарадзе («Я вижу солнце»
в Театре им. Марджанишвили).
Это далеко не полный список
удач, ибо я пишу только о том,
что видел сам.

Да, это наши герои! На сцене,
как и в жизни, им чужды «бод-
рячество», экзальтированность
«казенного оптимизма», умилен-
ное благодушие частного «опти-
мума». Они проходят тяжелые
жизненные испытания, не впа-
дая в минорное и сумеречное са-
мосожаление, не рисуясь ни тя-
готами, ни способностями сохра-
нить душевное равновесие и
стойкость. Это очень тонкие и
сложные натуры, интеллектуаль-
но одаренные, нередко легко ра-
нимые, не чуждые лиризма, спо-
собные не только смеяться, но и
плакать. Отчаянные и смелые,
они могут в какой-то момент и
отчаиваться, не теряя, однако,
большой цели, которой отделись
раз и на всю жизнь.

ПОБЕЖДАЕТ СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ

Глядя, например, на Платова —
Горбачева, я снова вспоминаю
слова В. И. Ленина о Луначар-
ском: «Он весь тянется к буду-
щему. Поэтому так много в нем
радости и смеха». А ведь Платов
перенес немало тягот, его пре-
следовали дурные люди и сама
жизнь отняла у него любимую
женщину. Но его житейское неу-
стройство никогда не вызывает в
нем душевной неустroенности, и
не потому, что ему ничего не на-
до, нет, а потому, что он все
имеет, все на свете — великую
цель, возможность осуществить
свое призвание и радость служе-
ния людям. Есть люди, лю-
бящие подарки, а есть люди, ко-
торым великое удовольствие да-
рить — им приятно видеть, как
радуются другие. Таков и Плато-
в — Горбачев. Проходят годы, а я
не забуду этого «перлетуум-моби-
ле», этого Платова с его особым,
неповторимым ритмом едва ли
не вихревого движения к людям,
к жизни, к солнцу.

И Елизавету Никандровну
Л. Скопину не забуду. Ее непов-
торимую гармоничность, ту фор-
му человеческого естества, в ко-
торой проявляется способность
индивидуума органически вписы-
ваться в окружающую жизнь —
в пейзаж, в интерьер, в людское
море, в леса стройки, в лириче-
ский дуэт. Эта естественность
проживания дана цельным и бо-
гатым натурам, хозяевам жизни,
но не ее рабам... Читая пьесу
К. Финна, вы все думаете об ис-
ключительности коллизии, ищете
оправданий, усиливаете най-
денное драматургом. Игра Ско-
пиной освобождает вас от слож-
ных поисков — она сама «оправ-
дала» коллизию, упростила ее,
довела до той сложной простоты,
к которой приходят высокий ум
и не менее высокое чувство. И
вот в этой духовной сложности, в
редком умении подняться выше
обстоятельств, в полноте чувств,
чуждых афишированию, в лири-
ческой щедрости к людям и рож-
дается та необыкновенная и ча-
рующая пластика, с которой во-
ходит на сцену, в круг людей и
обстоятельств, входит и в наши
сердца эта молодая обаятель-
ная женщина.

МЫ ЧАСТО и с тревогой за-
мечаем, что положитель-
ный герой превосходит от-
рицательных персонажей лишь
как носитель идеи, но,
увы, уступает им в ярко-
сти, выразительности и «ман-
кости» для зрителя. Но театраль-
ные герои, о которых идет речь,
и их соратники на других сценах
нашей необъятной страны «пере-
играли» самых ярких «неге-
роев». В них проявилась особая
«манкость» из сплава возвышен-
ной идеи — цели, тонкого интел-
лекта, горячих чувств, доступно-
сти и привлекательности, сло-
вом, широты натуры, обогащен-
ной социальным оптимизмом.
Такой герой и в страдании кра-
сив, он не подавляет нас своими
переживаниями, а побуждает со-
переживать вместе с ним, «очи-
щаться» ощущением перспекти-
вы.

Поразительна в этом смысле
работа Серго Закариадзе, создав-
шего образ старого колхозника
Минаго в спектакле «Человек

рождается однажды». Сама кол-
лизия, в которой оказывается
Минаго, полна неизбежного дра-
матизма, а выдающийся артист
возвышает ее до трагедийного
пафоса.

Минаго потерял на войне троих
сыновей. Последним ушел на
битву с фашизмом младший, Си-
со, жених Татии, одинокой деву-
шки, лишившейся родителей.
После ухода Сисо старики взяли
Татию к себе в дом как родную
дочь. Но шли годы, жизнь пред-
ъявляла свои права, увлекала от
прошлого к будущему, и старый
Минаго понял, что мертвый, как
бы он дорог ни был, не может
держать живого. Минаго начина-
ет борьбу с самим собой за Та-
тию, за ее счастье с молодым
врачом Гоги. Минаго борется не
только с собой, но и с самой Та-
тией, хранящей непоколебимую
верность погибшему жениху.

И вот свадьба... Минаго веселит
гостей, где-то там, за стенами до-
ма, в котором осталась только
старуха, жена, беззвучно ры-
дающая над кухонным столом.
Слышны возгласы Минаго. Он
убеждает гостей пить, есть, весе-
литься. Хриплым голосом, на-
рочито веселым и взвинченным, за-
певает он песню, чтобы ее под-
хватил хор гостей.

И в какой-то момент театр
схватывает Минаго с «полчи-
ным». Стены дома раздвигаются,
обнаруживая полянку с могучим
раскидистым деревом. Там, где-
то за тюлем, в пурпурном маре-
ве, идет свадебный пир, а ближе
к нам, в реальной плоскости,
танцует одинокий старый Минаго
легинку. Нет, это не легинка,
хотя, пляска и похожа на нее,
это танец-рассказ, лихорадоч-
ный, прерывистый рассказ о
жизни Минаго, о его несостояв-
шейся мечте видеть рядом с со-
бой сынов и внуков, о том, что
нет человеческих сил расстаться
с этой мечтой, развеять ее в
прах...

Когда в финале картины Ми-
наго провожает молодых из села,
где им нельзя оставаться, чтобы
не жить воспоминаниями о про-
шлом, когда по-отечески ласково
и тревожно нежит их, успокаивает,
говорит добрые напутст-
венные слова, а проводив, падает
во весь рост, сотрясаемый рыда-
ниями, зритель забывает о те-
атре, заражаясь чувствами боль-
шого актера, сумевшего убедить,
что жизнь хоть и трудна, но
справедлива, что законы ее муд-
ры и ничто не должно останавли-
вать человека на широком
жизненном пути.

Да, Минаго пережил трагедию,
но не потерял ни веры в жизнь,
ни доверия к людям, не замкнулся
в своем горе, не стал чер-
ствым, жестоким страдальцем, не
искал душевной компенсации за
счет ближнего. Он боролся не с
жизнью, так горько обидевшей
его, а с самим собой и победил
себя ради жизни и людей. И в
этом сказалась сила социального
оптимизма, ибо борьба Минаго

шла с плацдарма советских об-
щественных отношений, которые
узаконили равные права для
женщины, в том числе и право
на счастье, на личную жизнь, от-
вергли рабские представления
косной старины, узко эгоистиче-
ские притязания клана и семьи,
торжественно подтвердили и
правду отдавших жизнь за роди-
ну, и правоту живых, продолжаю-
щих бытие ушедших в новом
счастье, в новой радости поко-
лений.

Из всего этого видно, что нет
никаких оснований считать, буд-
то истинная сложность в изобра-
жении человека на сцене воз-
можна лишь в сумеречных ис-
следованиях душевных нюансов
или в «беспристрастном» сле-
довании за «потоком сознания», а
истинное призвание искусства
состоит в непрестанном и преоб-
ладающем обличении зла. Нет, не
поиски сложности в целом, а об-
наружение целостности в слож-
ном, нет, не обличение, как тако-
вое, а обличение, способствующее
утверждению политического и
нравственного идеала, личности
героя, непреодолимой силы и мо-
щи народа и социального опти-
мизма, — вот истинное призва-
ние, цель и метод советского те-
атра.

НА ЗАРЕ века, когда только
разгоралось из искры пла-
мя, В. И. Ленин вдохновен-
но писал: «Мы идем тесной куч-
кой по обрывистому и трудному
пути, крепко взявшись за руки.
Мы окружены со всех сторон
врагами, и нам приходится поч-
ти всегда идти под их огнем. Мы
соединились по свободно приня-
тому решению именно для того,
чтобы бороться с врагами и не
оступаться в соседнее болото,
обитатели которого с самого на-
чала порицали нас за то, что мы
выделились в особую группу и
выбрали путь борьбы, а не путь
примирения. И вот некоторые из
нас принимают кричать: пой-
демте в это болото! — а когда их
начинают стыдить, они возража-
ют: какие вы остальные люди! и
как вам не совестно отрицать за
нами свободу звать вас на луч-
шую дорогу! — О да, господа, вы
свободны не только звать, но и
идти куда вам угодно, хотя бы в
болото; мы находим даже, что
ваше настоящее место именно в
болоте, и мы готовы оказать вам
посильное содействие к ВАШЕ-
МУ переселению туда. Но толь-
ко оставьте тогда наши руки, не
хватаясь за нас и не пакчайте
Великого слова свобода, потому
что мы ведь тоже «свободны»
идти, куда хотим, свободны бо-
роться не только с болотом, но и
с теми, кто поворачивает к бо-
лоту!».

Как и все созданное В. И. Ле-
ниным, этот гимн социального
оптимизма не скоропроходящ, не
относится только к прошлому. И
сегодня он вдохновляет борцов
за свободу, борцов за коммунизм,
и сегодня он поражает расколь-
ников, отступников, ревизионис-
тов всех мастей, пытающихся
облазнить народы «преlestями»
болота.

Но драгоценные ленинские
строки нужно перечитывать еще
и еще раз всем нам — и тем, кто
раз и навсегда выбрал путь борь-
бы, и тем немногим, кто задумы-
вается, не позвать ли нас на
«лучшую дорогу». Сегодня, ког-
да мы идем не тесной кучкой и
не по обрывистому пути, а разво-
рачиваемся многомиллионной ла-
виной по всей нашей планете,
нам и вовсе не к лицу песси-
зм. Жизнь мудра и справедлива.
Никто не застрахован от лич-
ных потерь, от горя и скорби, но
нет такой силы, которая смогла
бы вытравить в настоящем че-
ловеке светлую веру в счастье
людей, в победу народов, в тор-
жество коммунизма. Это и есть
социальный оптимизм. И именно
он создает музыку нашего иску-
ства!